

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Экран и кино. — 1993. — 21-28 окт (№ 42). — С. 16

ИЗ ВСЕХ
ИСКУССТВ

13 октября Мстислав Ростропович сорвал вторую пару в институте кинематографии. Переполненный актовый зал встречал его стоя, аплодируя, неудержимо улыбаясь и — нетворчески перенимая западные традиции — криком, визгами, свистом. Возле сцены Ростропович встретился с Баталовым, и они обнялись; овации, стоны и улыбки взорвались тысячей фотоблицев. Поскольку Баталов не сопровождал гостя в зал, нельзя было понять, знакомы ли они. И даже лучше, если не-

знакомы: именно так и должны обниматься при встрече такие замечательные ребята, как Баталов и Ростропович.

Но оказалось, знакомы: приветствовав гостя, Баталов рассказал, как однажды Ростропович соло, импровизацией на виолончели «под экран», озвучил фильм по произведениям Лермонтова.

Гостью салютовала актерская мастерская Анатолия Ромашина. Исполнив величальную на двадцать голо-

сов, юноши, а особенно девушки, сбросили на пол плащи и остались в пляжном; на каждой груди было приколото по букве, образуя напоминание гостю, тем более уместное, что Галина Павловна приехать не смогла: «СЛАВА + ГАЛЯ = ЛЮБОВЬ!» Затем длинноногая «+» и фантастическая в бедрах «=» поднесли Ростроповичу хлеб и соль, а застенчивая «!» — бутылку водки. Выпитая чарка сопровождалась ревом и овацией.

Всякому было ясно: Ростропович может ни о чем не рассказывать, пусть просто посидит с нами минут двадцать, а потом разойдемся, полные света и благодарности. Он, однако, заговорил о кино. Признался, что смотрит редко, — нет времени. И рассказал две истории.

Однажды перед сольным концертом ему позвонили от Чаплина: тот хотел прийти. (Слушатели легко поняли волнение Ростроповича.) Играя, он искал в зале знакомое лицо, но после концерта позвонили снова: Чаплин простудился и очень сожалеет, что не смог быть. «Я был бы счастлив сыграть ему дома, — предложил Ростропович.»

«Когда Чаплин вышел навстречу, я был поражен: у него оказались светлоголубые глаза!.. — Он спросил, не возражаю ли я, если он, кроме огромной семьи, пригласит послушать всех слуг.» Ростропович исполнил пьесу Форе «Пробуждение» — «вещь очень, в хорошем смысле, чувствительную. Я закончил играть и увидел, что Чаплин плачет. Вы понимаете, он был совершенно открыт!..» Чаплин подарил гостю свою книжку с надписью: «В самые прекрасные минуты жизни не находится других слов, кроме одного: спасибо!»

«Когда простились и вышли во двор, я сидел в машину, а Чаплин стоял на крыльце и пытался вспомнить русское «до свидания». Он говорил «до...д-до...» — «Не буду подсказывать, — почему-то решил я. — Пусть сам вспоминает.» Хлопнул дверцей, машина стала разворачиваться. Он продолжал нащупывать «ддо-до...» — мы проехали мимо крыльца к воротам, и тогда, так и не вспомнив, Чаплин взмахнул рукой и крикнул вслед: «Д-ДО-СТОЕВСКИЙ!»

Вторая история произошла в Риме. «После концерта нас с Галей пригласили на обед к одному из, как сказа-

ли, самых знаменитых итальянских актеров. Приехав в назначенный час, мы прогуливались по комнате, ожидая хозяев. К гостям вышел в кожаной курточке, вероятно, бармен и стал предлагать напитки. «Вам?» — «Джин с тоником». — Бармен налил и, протягивая бокал, заметил: «Как все-таки не похожи наши с вами профессии.» Удивленный поведением бармена, я ответил сухо и отошел. Потом пригласили к столу: бармен сел рядом; он снова пытался заговорить, но я давал сухаря, смотрел в сторону, а потом тихо спросил Галю: где же наконец хозяин? — «Да слева же, — ответила она, — в кожаной куртке.»

Так Ростропович познакомился с Мастроянни, с которым впоследствии встречался в Париже, куда тот часто приезжал к соседке Ростроповича и Вишневской — Катрин Денев.

Ростроповичу задали вопрос: как он в качестве главы оркестра работает с кадрами? (вопрос естественный в институте кинематографии). — «Придя на этот пост, я однажды, нервничая и с довольно тяжелым сердцем, пригласил к себе в кабинет флейтиста и сказал ему: знаешь, наверное, ты неплохой музыкант... но флейта в оркестре очень слышна... может, подумаешь о том, чтобы уйти на пенсию? — «Нет, — ответил флейтист, — мне кажется, я играю хорошо». — Чтобы расстаться с ним, пришлось обратиться в специальную профсоюзную комиссию. Флейтист пригласил десяток свидетелей, подтверждавших, что он играет хорошо. Я не звал никого, сказав, что руководствуюсь своим музыкальным образованием. Большинство голосов комиссия поддержала меня. — Однако после решения об увольнении музыкант имеет право работать в оркестре еще год.»

«Сейчас я не в силах уволить кого-нибудь. Я же знаю всех их родственников, знаком с семьей каждого. Лучшее уйду сам.»

Ростропович спешил. Встали вместе: он и зал. «Глядя на ваши замечательные лица, — воскликнул гость, распахнув объятия, — и на фигуры, — я не сомневаюсь: все будет хорошо! Нас ждет замечательное будущее!»

В глазах, провожавших его к дверям, читалось: у нас неплохое и настоящее. С Вами, наш дорогой.

Борис ЛЮМБЕР.

Фото Николая Самойлова.